ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ XV–XVI вв.

Е.Б.Рогачевская

ЗАПАДНЫЙ МИР В "ХОЖДЕНИИ НА ФЛОРЕНТИЙСКИЙ СОБОР"

В 1439 г. произошло событие, во многом повлиявшее на русское самосознание и русскую общественную мысль. Это событие — заключение православно-латинской унии на Ферраро-Флорентийском соборе. Византийский император Иоанн VIII Палеолог и высшие церковные иерархи стремились получить поддержку Запада в борьбе с турками, а Папа Евгений IV соответственно преследовал свои интересы — распространить католическое влияние на Востоке. Русское посольство, возглавляемое митрополитом-греком Исидором, *присутствовало при подписании унии, причем Исидор занял явно* прогреческую позицию, участвуя в теологических дебатах как явный сторонник унии. Поведение Исидора на соборе и позднее, после его прибытия на Русь, вызвало недовольство как светских, так и церковных властей, за что он и был низложен в 1441 г.

Путешествие в Европу и подписание унии отражено в четырех древнерусских памятниках: "Повести о восьмом соборе" Симеона Суздальского, "Исхождении Авраамия Смоленского", "Заметке о Риме", "Хождении во Флоренцию"[1]. К этим основным произведениям тематически примыкают еще несколько документов и сочинений: "Послание Великого князя Василия Васильевича Константинопольскому патриарху Митрофану об отступлении от православия митрополита Исидора с требованием поставить на место его другого, по избранию и рукоположению русских епископов" (1441 г.)[2], летописные свидетельства Патриашей или Никоновской летописи, заметка "О пресвитерах, и о мужах, бывших в латынских странах"[3] и "Слово избрано на латыню"[4].

Эти произведения изучались и в комплексе, и каждое в отдельности. Таким образом, мы можем сказать, что сочинения о русском посольстве и заключении унии исследованы достаточно хорошо. В данной статье нам бы хотелось лишь сделать некоторые новые заме-

чания и уточнения в контексте более широкой темы: отношение к Западу в древнерусской книжности.

В предшествующих работах были определены основные характерные черты "Хождения на Флорентийский собор". Этот памятник представляет собой путевые заметки, написанные, вероятно, во время самого путешествия. Характерно, что в тексте даже нет указания на цель путешествия (как нет вообще никаких объяснений действиям и поступкам митрополита и его свиты), так как она должна была быть очевидной для читателя. Рискуем предположить, что эта черта является следствием первоначальной установки на составление не литературного произведения, а отчета, как говорится, "для внутреннего пользования" и "узкого круга". В сочинении практически отсутствует религиозный интерес к происходящему, в нем нет дидактичности, оценки собора или унии. Описание путешествия выглядит достаточно точным, поскольку постоянно упоминаются расстояния, денежные единицы и т.д. Это, на наш взгляд, является еще одним доказательством того, что сочинение представляло собой своего рода деловой отчет о поездке, сделанный "хозяйственником", а не "политиком"[5]. Н.А.Казакова, изучив текстологию памятника, выявила 4 редакции. Исследовательница доказала, что история текста представляла собой в целом сокращение материала, что должно было, по мнению позднейших редакторов, вести к большей занимательности заметок[6].

В работе о "Хождении во Флоренцию" Н.И.Прокофьев заметил, что "произведение написано в форме дневника, составленного во время самого путешествия"[7]. Это замечание представляется нам довольно интересным, хотя сам Н.И.Прокофьев не развил и не доказал это положение, вероятно, употребив слово "дневник" не в строго терминологическом значении. Нам же представляется, что в "Хождении во Флоренцию" можно видеть самый настоящий путевой дневник, который велся, возможно, по поручению руководителей посольства[8]. Документальной основой "Хождения" служит как бы каркас из цифр, дат, географических названий[9]. Ранее уже было замечено, что при проезде по Руси автор Хождения использует для обозначения расстояния версты, при проезде через Германию — немецкие мили (7,5 км), а, описывая путешествие по Италии,— итальянские мили (1,25 км). Исходя из этого достаточно легко прочертить точный маршрут путешествия, даже вычислить скорость, с которой посольство передвигалось на каждом участке пути. Например, автор "Хождения" сообщает, что митрополит Исидор выехал "с Москвы на Рождество святыа богородици" (8 сентября), а "приехал въ Тверь на Воздвижение честнаго креста"[10] (14 сентября) (468). Расстояние от Москвы до Твери (как следует из Хождения) — 180 верст, следовательно, посольство двигалось со скоростью 30 верст в день. Расстояние же в 430 верст между Тверью и Новгородом (300 из них — водным путем) преодолели за 15 дней, и ско-

рость передвижения по суше в среднем была той же самой. Эта же точность, с которой описывается путешествие, позволяет выявить и некоторые несоответствия, появившиеся, возможно, в результате так называемой "фигуры умолчания", о причинах возникновения которой мы можем только догадываться, либо же, что скорее всего, по чистой случайности — ошибки автора или переписчика. Итак, в Новгороде, если верить автору Хождения, митрополит пробыл 7 дней. Можно предположить, что в Псков путешественники отправились 14 октября, а приехали только через 2 месяца (!) — "месяца декамвриа на память святаго отца Николы" (6 декабря) (468), хотя расстояние между Новгородом и Псковом, как сказано в древнерусском сочинении, также равняется 180 верстам. Даже если учесть, что погодные условия в сентябре были гораздо лучше, чем во второй половине осени[11], все равно 6 дней и почти 2 месяца — разница слишком большая, чтобы остаться "просто" незамеченой. Скорее всего митрополит пробыл в Новгороде дольше, чем зафиксировано в древнерусском памятнике. Вероятно, срок в 7 дней появился на месте реального — 7 недель, и это весьма вероятно. Если митрополит пробыл в Новгороде 7 недель, как мы предположили, то выехать из города он должен был в конце ноября или самом начале декабря, что вполне согласуется с датой его приезда в Псков. Это было бы логично и с точки зрения здравого смысла, так как именно октябрь и ноябрь являются самыми неблагоприятными для путешествий месяцами по погодным условиям. В конце ноября, когда, вероятно, выпал снег, можно было без особых затруднений двигаться дальше.

Такое же странное несоответствие можно заметить и в той части "Хождения", где говорится о пребывании в Риге: "А приеха в Ригу до обеда, месяца февраля отца Сидора... И ту был господинъ 8 недель" (470). Если считать 8 недель от 4 февраля, то получается, что выехать посольство должно было 1 апреля. Согласно "Хождению" дата выезда из Риги — 5 мая. Интересно, что ошибок в датах отбытия из одного места и прибытия в другое быть скорее всего не может, так как все они обозначены не только числами календаря, но и церковными праздниками. И с точки зрения логики дата 5 мая, конечно же, кажется более приемлемой: вряд ли митрополит стал бы выезжать за границу накануне Пасхи, которая в том году была 13 апреля, да и передвигаться морем в начале апреля, наверное, было еще слишком рано. Видимо, и в этом случае следует предположить намеренную или случайную ошибку в указании на срок пребывания митрополита в Риге. Кажется, что объяснить непреднамеренность ошибки можно достаточно просто: при переписке вполне можно было заменить цифру 13 (ГI) на "и восьмеричное" (Н).

В целом же числа (расстояния, сроки, денежные суммы) оставляют впечатление подробного делового реестра[12]. Мы точно знаем, сколько денег получил митрополит в разных русских городах, сколько у него было возов, которые следовали отдельно от митрополичьего поезда, сколько стоили боров, гусь или курица в Ферраре, сколько диких животных было в зверинце Флоренции, сколько монахов находилось в монастыре на реке "Рна"[13]. Особенный интерес, на наш взгляд, заслуживают даты. Автор точно и скрупулезно отмечает даты приезда и отъезда митрополичьего посольства в различные города, но только в первой части памятника, когда описывается путешествие по территории Руси. Это, видимо, объясняется тем, что автор связывает даты с православными праздниками. По мере продвижения на Запад эта черта исчезает, поскольку актуальность такого способа определения даты понижается. Уже во время пребывания русских в Ферраре, а потом во Флоренции автор обращает внимание читателя лишь на даты заседаний собора, никак не связывая их с православным календарем. Поэтому разбитая на даты первая часть "Хождения"[14] более напоминает дневник по структуре. "Западная" часть, то есть рассказ о пребывании в других странах по пути на собор, меньше связана с исчислением времени. "Дневниковость" ей придают другие черты — спонтанные переходы от одной темы к другой, что, как нам кажется, свидетельствует о том, что текст не был написан в одно время, к нему все время возвращались, дополняя новыми сведениями и впечатлениями.

Характер деловых записок носит произведение и в той его части, где рассказывается о соборе: автор не передает ни сути дискуссии, ни основных решений по обсужденным вопросам, не приводит ни эмоциональных, ни прагматических оценок происходящего. Зато читатель точно знает "программу" (но не "стенограмму") работы собора: количество и имена всех участников (с указанием должности и "места работы"), даты и места проведения заседаний. Чуть более подробно сказано только о первом и последнем заседаниях: "Въ вопросех бывшим тремъ митрополитом, въ ответехъ ефесскый Марко, рускый Исидор, никейскый Висарионъ" (478); "Месяца иулиа въ 5 собору бывшему велику, и тогда написаша грамоты събора их, како веровати въ святую троицю, и подписа папа Еугений и царь греческый Иоанъ, и вси гардиналове, и митрополиты подписаша на грамотах коиждо своею рукою" (484). Таким образом, читатель может познакомиться только с внешней, "протокольной" стороной событий.

Даже буря на море, которая застала путешественников на пути из Риги в Любек, описана скорее по-деловому. Это происшествие не толкуется автором как наказание или предупреждение. Причины возникновения бури и тьмы не указаны. Интересно отметить, что автор говорит о вполне реальной опасности ("и ту бо островъ Свитскылих камены, преборы и разбои великиа" — 472), когда корабль

во тьме стоял на месте. Сама буря, хотя в ней есть нечто таинственное ("напале на нас буря не ветреным делом" — 472), описана лаконично и по-деловому: "ино корабль волнами покрывашеся, а градцу верховнему в валех бывшу" (472). В этом эпизоде сохранились только немногие мотивы, характерные для провиденциального толкования событий, но они кажутся не развернутыми, лишь намеченными или упомянутыми, как, например, таинственность бури. Конечно, путешественники спасаются молитвой, но и здесь есть какая-то недоговоренность. Немцы обвиняют православных в том, что буря и тьма возникли из-за них, но не говорят этого вслух, а "ропщут": "Не нас ради сиа быша, но христиан ради" (472). Конфессиональный конфликт ("не нас ради, но христиан") намечен, но не развивается: немцы, придя к православным, просят их помолиться вместе с ними.

На "дневниковый" и деловой характер текста указывают, на наш взгляд, так называемые "швы" между различными темами, т.е. отсутствие логических связей между различными кусками текста и их тематическая разнородность[15], о чем уже упоминалось выше. Например, сразу после сообщения о подписании унии говорится о шелковичных червях ("В том же граде видехом черви шолковыя, да и то видехом, как шолкъ той емлють с нихъ" — 484); после описания башни на папском дворе следует: "И в том же граде ясти купихом: яловица 29 золотых, боров пять золотых.." (480); впечатления о Флоренции передаются таким образом: "А погребение же умерших тех старцевъ въ устроеных тех монастырехъ, и гробы их, новоумершаго старца въкладают, а ветхыа кости выимают, и кладут в костеръ, и на них смотрят, поминают час смертный. В том же граде делают камки и аксамиты съ златом". (482). Думается, что автор старался фиксировать все впечатления, которые так или иначе могли бы быть полезны с точки зрения делового описания Запада.

В целом же западный мир предстает в "Хождении" как мир каменный, водный, "инженерный", большой. Разумеется, понятно, что технические новшества (фонтаны, водопровод, мельница, канал, часы с ангелом), диковинки (зверинец, горы, шекловичные черви, кипарисы), каменные сооружения (храмы, дома, мосты) — все то, чего не было на Руси, поражает воображение и обращает на себя внимание древнерусского человека. Но автора "Хождения" удивляют также размеры и количества всего на Западе: "Град же бе Юриев каменъ, **велик**... церкви же бе **многы** и монастыри **велици**" (470); "...и монастыри в нем велми **чюдны и силни.** И товара в нем всякаго **полно**" (472); "Он же поиде, и показаша ему съсудовъ священных **множество неизчетенно** и риз драгых златых **множество** с камением драгым и съ жемчюгом" (472); "И той град **величеством вышьши** тех градовъ прежних" (474); "И посреди града того течет река **велика и быстра велми,** именем Рна; и устроен на реце той

мост каменъ, **широк велми,** и съ обе страны моста устроен полаты" (482); "И есть во граде том божница устроена велика, камень моръморъ белъ, да чернъ; и у божницы тое устроен столпъ и колоколница, тако же белы камень моръморъ, а хитрости ея недоумеетъ умъ наш; и ходихом в столпъ той по лестнице и **сочтохом степеней 400 и 50"** (484) и т.д. Даже в описание больницы при храме автор не забывает упомянуть число (в данном случае явно преувеличенное): "Есть же во граде том божница велика и есть в ней тысящу кроватей" (482). В рассказе об исцелениях чудотворной иконы акцент снова делается не на самих легендах, которые, вероятно, рассказали русским гостям, а на количестве исцеленных (6 тысяч). Более того, в "Хождении" нет описания иконы ("икона чюдотворна, образ пречистыа божиа матери" — 482), но зато читатель узнает о восковых изображениях исцеленных людей — "яко живи стоят" (482). Разумеется, определяющей чертой всех хождений являются восторженные описания того, что кажется удивительным, необычным, но церковный характер хождений в Святую Землю определяет и характер впечатлений — авторы сосредоточены на описаниях святынь и храмов. В "Хождении за три моря" Афанасия Никитина все настолько необычно, что поражают не размеры, а образ жизни людей, их вера, привычки, вещи. Такое восхищение от размеров увиденного встречается, пожалуй, только в "Хождении во Флоренцию".

Создается впечатление, что автор практически не общается с людьми тех стран, в которых он побывал. Разумеется, это скорее всего не так, но в тексте нет рассказов о встречах, разговорах с людьми, пересказов местных историй и легенд (исключением является лишь рассказ о Понтии Пилате). В древнерусских хождениях (см., например, "Хождение игумена Даниила" или "Хождение Стефана Новгородца") легендарные и исторические рассказы занимают довольно большое место. Вероятно, это объясняется тем, что данные сочинения носили дидактический и просвещенческий характер и были связаны с православными или общехристианскими святынями. В "Хождении на Флорентийский собор" интерес к чужой истории (местной, а не общехристианской, библейской) также отсутствует, поэтому и материала для рассказов не находится. Наряду с тем, что автор очень внимателен ко всяким новшествам, техническим усовершенствованиям, товарам, ценам, делает весьма тонкие замечания о языках ("и в тех градех живут хавратяне, языкъ с руси, а вера латыньская" — 488; "Аламанская земля, то есть не инаа вера, ни ины язык, но есть едина вера латиньская, а языкъ немецкий же, но разно, яко и русь сербы, тако и оне с немци" — 476), он практически не интересуется людьми, их образом жизни (даже попадая в монастыри, автор описывает в одном случае одежду монахинь, а в другом обряд погребения)[16]. Люди в тексте "Хождения" появляются обычно в виде толпы: "И ту празновахом праздникъ святых апо-

столъ Петра и Павла, и ту видехом: ходили съ кресты по граду **300 попов**" (476); "**Старцев** же в нем **40**, житие же их неисзходно из монастыря никогда же, ни миряне к ним не ходят николи же" (482); "Месяца того же въ 6 служил обедню папа Еугений опресноком въ соборной божнице въ имя пречистыя Богоматере, а с ним **гардиналовъ 12, а бискупов 93, опричь каплонов и диаконов. <...> Народу же толику ту сущи, чтобы их пущали, то бы много задушенных людей было...**" (484). В тексте упомянут единственный эпизод общения путешественников с конкретным человеком — игуменом монастыря святого Николы. Но даже здесь виден какой-то "хозяйственно-численный" интерес — игумен в исключительно бытовом плане рассказывает о том, как привезли мощи святого. О самих мощах сказано как будто между прочим: "От Бара града слали венетяне 100 катаргъ, да 3 корабли с житом, и взяли мощи" (488). Видимо, эпизод разговора с игуменом, сознательно или неосознанно, присутствует в "Хождении" потому, что речь идет о святыне, почитаемой и православной церковью. Католический же мир удивителен, но чужд автору, и общение с ним передается только в форме собственных впечатлений. Более того, очень часто древнерусский книжник пытается "объективизировать" свой рассказ, употребляя вместо форм "я/мы видел/видели" обороты типа "там есть".

Главное, что "есть" на Западе,— это города. Автор говорит и о полях, горах, холмах, садах, морях, но нигде читатель не встречает развернутого пейзажа. Красота ландшафта не поражает русского путешественника. Горы заслуживают описания не потому, что красивы, а потому, что велики и снег на вершинах летом не тает: "Горы же те не ту суть, но от Чернаго моря пошли даждь и до белаго моря, яко зовутся поясъ земный, камены. Толико жо высоци суть, облаци вполь их ходят, и облаци от них ся взимают. Снези же лежат на них от сотворениа горъ техъ; лете же варъ и зной велик в них, но снег же не тааше" (478). Деревья тоже не вызывают эстетических переживаний — они не красивы, а "чюдны", то есть такие, каких на Руси не бывает (хотя автор и старается описать их по возможности более понятно для соотечественника, сравнивая их с тем, что русскому читателю хорошо известно): "Ту же видехом древие кедры и кипарисы; кедръ как руская сосна, много походило, и кипарис корою яко липа, а хвоею яко ель, но мала хвоя кудрява, мякка, а шишки походили на сосновую" (482). Природа не является самоценной, она как бы только дополняет городской пейзаж: "И видехом град велми чюден, и поля бяху, и горы невеликы, и садове красны, и полаты велми чюдны, позлащены връхы, и монастыри в нем велми чюдны и силни. И товара в нем всякаго полно" (472).

Итак, проанализировав картину западного мира, какой она предстала перед читателем XV в. в одном из первых произведений, це-

ликом посвященном этой теме и написанном человеком, побывавшим в "латинских странах", мы можем заметить, что русский путешественник писал прежде всего деловой отчет о поездке, который, как нам кажется, принял форму путевого дневника. Этим объясняется разрозненность впечатлений, мгновенные переходы от темы к теме, от описания к описанию, скрупулезность в упоминании чисел, названий и имен. Древнерусский книжник поразился размерам, техническим и архитектурным новшествам Запада и практически остался равнодушным к истории, природе, людям тех стран, в которых побывал.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эти памятники были известны исследователям еще в XIX в. и до сих пор продолжают привлекать внимание исследователей: Горский А.В. История Флорентийского собора. М., 1847; Павлов А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-римской полемики против латинян. М., 1878; Попов А.Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875; Делекторский Ф.И. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии // ЖМНП, 1895, июль С. 131–184; Он же. Флорентийская уния и вопрос о соединении церквей в Древней Руси // Странник, 1893. С. 253; Щербина А.Д. Литературная история русских сказаний о Флорентийской унии. Одесса, 1902; Прокофьев Н.И. Русские хождения XII–XV вв. // Ученые записки МГПУ, № 363. Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970. С. 3–364; Мощинская Н.В. Об авторе "Хождения на Флорентийский собор" в 1439–1441 гг. // Там же. С. 288–300; Она же. "Повесть о осьмом соборе" Симеона Суздальского и "Хождение на Ферраро-Флорентийский собор" Неизвестного Суздальца как литературный памятник середины XV века (Текстология идеол. тенденции и стилевое своеобразие). Автореф. дис. канд. фил. наук. М., 1972. Ранчин А.М. Описание западных земель в "Хожениях" на Форраро-Флорентийский собор // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга Резюме. М., 1996. С. 112–116. Большой вклад в изучение этого цикла памятников внесла Н.А.Казакова (см. серию ее статей в ТОДРЛ — ТТ. XXV–XXXII, а также монографию "Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв.". Л., 1980).

[2] Опубликовано: АИ, Т. 1. С. 71–75.

[3] Известие это сохранилось в "Житии Сергия Радонежского" Пахомиевой редакции. Отдельно опубликовано А.Н.Поповым: Попов А.Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 340–344.

[4] Также опубликовано А.Н.Поповым: Попов А.Н. Историко-литературный обзор... С. 360–395.

[5] Ср. высказывание Н.В.Мощинской о социальном статусе автора Хождения: "Есть основания предполагать, что автор хождения был не чиновник архиерейского двора, который вел образ жизни мирянина, а скорее духовное лицо, ведающее хозяйственнбой жизнью" (Мощинская Н.В. Об авторе "Хождения на Флорентийский собор" в 1439–1441 гг... С. 295).

[6] Казакова Н.А. Первоначальная редакция "Хождения на Флорентийский собор" // ТОДРЛ. Т. XXV. М; Л., 1970. С. 60–77; Она же. Хождение

во Флоренцию 1437–1440 гг. // ТОДРЛ. Т. XXX. М.; Л., 1976. С. 73–94.

[7] Прокофьев Н.И. Русские хождения XII–XV вв. ... С. 197.

[8] Ср. наблюдение Н.И.Прокофьева: "Автор избегает прямых суждений об Исидоре, возможно, потому, что вел записи по его повелению" (Прокофьев Н.И. Русские хождения XII–XV вв. ... С. 203).

[9] Разумеется, здесь нельзя отрицать влияния "Хождения игумена Даниила", ведь именно там автор указывает расстояния в верстах между разными пунктами своего маршрута, указывает размеры, описывая увиденное ("Есть же сице Гробъ Господень: яко печерка мала у камени сечена, дерцы имущи малы, яко можетъ человекъ влести на колену поклоньси. Възвыше же есть мала, всямокачна 4 лакотъ и в длину и в ширину. И яко влезуче в пещерку ту дверцами малыми, и на десней руце есть яко лавица засечена в томже камени пещерьнемъ, и на той лавице лежа тело Господи нашего Исуса Христа. Есть ныне лавица та святая покрыта дъсками мраморяными. Суть на стране проделана оконца 3 кругла, и теми оконцы видиться святый тъ камень, и туда целуютъ вси християне. Висит же в Гробе Господни 5 кандил великих с маслом, и горят беспрестани кандила свята день и нощь. Лавица же та святаа, идеже лежало тело Христово, есть в длину 4 лакот, а в ширину 2 лакти, а възвыше полулакти" — Цитируется по изд.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997. С. 36). Разница в использовании чисел (расстояний, размеров и т.д.) заключается, на наш взгляд, в том, что Даниил пытается помочь читателю представить то, о чем рассказывается, автор же "Хождения во Флоренцию" составляет отчет об увиденном, где числам отводится самостоятельная роль — свидетельства документальности повествования.

[10] "Хождение во Флоренцию" цитируется по изданию: ПЛДР XIV — середина XV в. М., 1981. С. 468–493. Далее страница издания приводится в скобках в тексте статьи.

[11] Среднюю скорость движения посольства по пути на собор удается просчитать с достаточно большой долей вероятности. Как по территории Руси, так и территории Европы путешественники двигаются со средней скоростью около 30 километров в день по суше и 70–80 километров в день по морю.

[12] Исследуя расхождения в датах и числах между двумя памятниками ("Повестью об осьмом соборе" Симеона Суздальского и "Хождением на Флорентийский собор"), Н.В.Мощинская предположила, что они были вызваны различными целями написания сочинений: если у Симеона Суздальского расстояния и даты "носили скорее обобщающий характер", то в Хождении они имели самостоятельное значение (Мощинская Н.В. Об авторе "Хождения на Флорентийский собор" в 1439–1441 гг.... 1993. С. 293–295).

[13] В целом тяга к хозяйственности, перечислениям, деловым отчетам внутри книжных сочинений была, видимо, свойственна некоторым авторам XV в. (см., например, главу о писателях этого времени в книге А.С.Демина "Художественные миры древнерусской литературы". М., 1993. С. 101–120).

[14] Отметим, что именно в XV веке в древнерусской литературе появляется первый настоящий дневник, то есть произведение целиком организованное по принципу ежедневных последовательных записей — "Записка о смерти Пафнутия Боровского" инока Иннокентия.

[15] Разумеется, главной логической связкой во всех хождениях является маршрут путешественников, но в других хождениях различные эпизоды и темы

более связаны между собой рассказом о действиях героя-рассказчика (как в "Хождении Стефана Новгородца" или "Хождении за три моря" Афанасия Никитина). В "Хождении игумена Даниила" логика развития повествования подчинена созданию наиболее полной картины Святой Земли. На фоне этих жанровых закономерностей "Хождение во Флоренцию" представляется произведением, где описания подчинены не внутренней логике, а внешней форме записок-дневника, к которому регулярно возвращаются, чтобы занести то или иное новое впечатление.

[16] Здесь видна большая разница в сравнении, например, с "Хождением за три моря" Афанасия Никитина, где автор много пишет о людях, рассказывает о встречах с ним. Это, видимо, обусловлено различным положением русских путешественников и их целями: официальный статус при посольстве митрополита у автора "Хождения во Флоренцию" и соответственно задача написания делового, по возможности объективного, отчета о поездке и положение частного лица Афанасия Никитина, заметки которого также носят более или менее личный характер.